

**ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ**

СВЕРДЛОВ

**ОККУЛЬТНЫЕ КОРНИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Вожди Советского Союза

Валерий Шамбаров

**Свердлов. Оккультные корни
Октябрьской революции**

«Алисторус»

2013

Шамбаров В. Е.

Свердлов. Оккультные корни Октябрьской революции /
В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2013 — (Вожди Советского
Союза)

В книге известного российского писателя и историка Валерия Шамбарова исследуется одна из самых страшных и загадочных фигур революции 1917 года – Яков Свердлов, чья немифическая личность как бы случайно выпала из поля зрения отечественных ученых. Оказывается, «вождь № 2» Великого Октября, первый президент Советской России, являлся... оккультистом. Отход от ортодоксального иудаизма, вызванный бродячей революционной жизнью, привел его к самостоятельному поиску неких глубинных «истин». Вся их inferнальная сущность полностью проявилась в переломный момент нашей истории, в годы революции и Гражданской войны. Данная книга – это попытка объективно оценить жизнь и деятельность Якова Свердлова во главе антихристианского переворота 1917 года.

© Шамбаров В. Е., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

От автора	5
1. Далеко за «чертой оседлости»	7
2. Блудный сын не возвращается	14
3. «Британское» и прочее золото	21
4. Война и революционеры	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

В. Е. Шамбаров

Свердлов. Оккультные корни Октябрьской революции

От автора

*Евреи гордятся тем, что они дали стране такую личность, как
Яков Свердлов.*

С. Рабинович. «Евреи и СССР», М., 1965

У нас в России история традиционно воспринимается «по крупному», увязываясь главным образом с руководителями государства – «эпоха Екатерины II», «эпоха Николая I», «эпоха Брежнева» и т. д. Для Запада более привычен другой подход – узкая персонификация истории до набора биографий отдельных политических деятелей.

Оба метода в целом верны, но оба обладают и серьезными изъянами. Так что правильным оказывается найти их оптимальное сочетание. Разумеется, именно глава государства в первую очередь прославляется теми свершениями, которые достигла страна в период его правления, и в первую очередь именно он несет ответственность за все беды и несчастья, которые в это время претерпел народ. Разве можно, например, утверждать, что президент Путин, несмотря на его личные положительные черты и рейтинги, не отвечает за углубление при нем развала России, обнищание провинции, уродливую «монетизацию», пенсионные, жилищные и прочие безобразия?

Но если мы желаем более детально исследовать исторические процессы, механизмы принятия тех или иных решений, выбора политического курса, тактических и стратегических zig-zagов, то здесь, конечно, уровня глав государств будет уже недостаточно. Тут надо учитывать, что во все времена и почти при всех правителях существовали свои талейраны, кольберы, меттернихи, серые и прочих цветов радуги кардиналы.

Порой это оказывается очень важным. Так, когда мы касаемся одного из переломных моментов нашего прошлого, эпохи революции и гражданской войны – той, что принято именовать «эпохой Ленина», обращает на себя внимание фигура Якова Михайловича (Янкеля Мовшовича) Свердлова. Одна из самых страшных фигур в российской истории. И одна из самых загадочных. Да, не побоюсь этого слова, загадочных. Она как бы вообще «выпадает» из рассмотрения исследователей.

Хотя деятель-то был не маленький! И почестей удостоился чрезвычайных. Похоронен у Кремлевской стены – не в стене, а у стены, в шеренге немногих «избранных». Его именем был назван огромный областной город, площадь в самом центре Москвы, десятки поселков, станций, колхозов, оно было присвоено многим советским и партийным учреждениям, воинским частям, школам, больницам, пионерлагерям, заводам, фабрикам. Практически в каждом городе и городишке обязательно была улица Свердлова... То есть почести по самому высшему разряду! Из руководителей партии и правительства таковых удостоились считанные единицы. Но при этом всегда оставалось непонятным – а за что? Что он такого выдающегося сотворил?

Писали о нем совсем мало. Он как бы всегда оставался «в тени», не сам по себе, а «при» Ленине. Была издана книжка его избранных произведений. Одна. И ответа на вопрос о его заслугах она не дает. Теоретиком он не был. Все речи, статьи, доклады – достаточно серенькие, примитивные, без следа какой-либо оригинальной мысли. Был снят художественный фильм «Яков Свердлов». Один. Скудный, туповатый и сугубо плакатный. Тоже без ответа на вопросы.

Был издан сборник воспоминаний о нем. Один. Плюс мемуары вдовы. Плюс одна или две биографии – сухие, выхолощенные. Да и то, если не ошибаюсь, биографии выходили не в Москве, а в Свердловске. Труды публицистов провинциального уровня. Невольно складывается впечатление, будто все это делалось «для галочки». Для заполнения пропагандистского «вакуума». Ага, мол, о Свердлове еще фильма нет – непорядок, надо бы снять.

А вот научных, полновесных монографий о нем, кажется, совсем не было. Ни одной. Автору этих строк в юности даже доводилось слышать объяснение его «заслуг» – дескать, он просто умер первым из видных большевиков, вот его и почтили сверх меры. Но ведь что интересно – за рубежом о советских вождях создавалась масса литературы. Ленина, Троцкого, Сталина, Дзержинского, Бухарина, Радека и т. п. по всем косточкам раскатывали. А о Свердлове – почти ничего. Его и там по каким-то причинам обходили стороной!

Настала «перестройка» с «гласностью», затем «демократизация» с еще большей «гласностью», запреты снялись, архивы открылись. Покатился поток книг, статей, телепередач, «разоблачительных» кампаний. Но снова героями их становились сугубо те же персоны – Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский, Бухарин... Не Свердлов.

Хотя оказывается, что автором всех самых громких, самых чудовищных преступлений «военного коммунизма» являлся именно он! Яков Михайлович. Нет, я не хочу представить дело так, будто остальные вожди большевиков были ангелами во плоти. Но «честь» авторства почему-то неизменно принадлежала ему. Другие руководители лишь развивали и продолжали его «начинания».

Мы привычно перечисляем – Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский... А ведь Свердлов-то был в свое время величиной более крупной, чем даже Троцкий и Сталин. «Вождь номер два». И только после его смерти на этот ранг стал выдвигаться Троцкий! О Дзержинском я уж не говорю. Для Свердлова оказывалось вполне возможным регулировать и даже устранять со своего пути «всемогущего» председателя ВЧК. Авторы интерактивного биографического проекта «Хронос» глубокомысленно рассуждают о том, что если бы Свердлов не скончался раньше, он «вряд ли бы пережил 1937-й»... Не задумываясь о том, что при подобном раскладе не было бы самого 1937-го. Точнее, он был бы, но гораздо раньше. И с другими последствиями – покатались бы головы Сталина и «сталинистов». Потому что Яков Михайлович был гораздо умнее Троцкого, Каменева, Зиновьева и не позволил бы так запросто перехитрить себя и оттеснить от власти.

Кстати, мы привычно говорим о «сталинистах», «троцкистах». И никогда не упоминаем о «свердловистах» (или «свердловцах»?) А они, оказывается, существовали, «вождь номер два» имел собственную, вполне реальную группировку внутри партии. И группировку настолько сильную, что в конце жизни Яков Михайлович готов был встать в оппозицию самому Ленину... Но выясняется вдруг и то, что опору Свердлова составляли не только его единомышленники. Что он, ни разу не покидавший Россию, имел тайные связи и с зарубежьем...

Обо всем этом я и хочу рассказать в своей книге. Нет, наверное, не на все вопросы мне удалось найти исчерпывающие и однозначные ответы. Слишком многое уже занесено «пылью времен». Или было преднамеренно и очень тщательно замечено этой «пылью». Но по крайней мере я постарался высветить такие неясности и темные моменты, вскрыть их. И надеюсь, что эта работа поможет читателю составить более полное представление о далеко не простой жизни и судьбе одного из главных губителей и палачей России.

1. Далеко за «чертой оседлости»

Где-то во второй половине XIX века, предположительно в 1870-е годы, в Нижний Новгород переехал мастер-гравер Мовша Израилевич Свердлов. Какова была его настоящая фамилия? Доподлинно известно лишь то, что Яков Михайлович нигде и никогда фамилию своего отца не указывал. Некоторые источники говорят – Свердлин. А американский журнал «Свободное слово России» и сибирская газета «Русский Восток» со ссылкой на британского журналиста Р. Вильтона называют – Розенфельд. Хотя в данном случае велика вероятность, что Вильтон спутал с фамилией Каменева. Но для нашей темы это не имеет принципиального значения. В отличие от того же Каменева, Ленина и т. п. Свердлов – не литературный псевдоним, затмивший подлинное имя. Все родные и потомки «вождя номер два» известны как Свердловы. Вот и мы будем их называть этой фамилией.

Откуда прибыл Мовша Израилевич? Данный вопрос также не совсем ясен. Ряд авторов неопределенно сообщают – «из Литвы». А Н.А. Соколов, производивший расследование убийства Николая II и его семьи, называл Якова Свердлова «мещанин г. Полоцка Витебской губернии», тут же рядом указывая, что родился он в Нижнем Новгороде. Но никаких противоречий тут может и не быть. Витебская губерния в ту пору традиционно относилась к «Литве», поскольку в состав Российской империи они вошли вместе, во время «первого раздела» Речи Посполитой. И вполне можно было родиться в Нижнем, оставаясь при этом мещанином не Нижнего, а Полоцка. Поскольку существовала так называемая «черта оседлости».

Она возникла исторически. Вплоть до XVII века постоянное проживание евреев на территории России запрещалось – если только они не примут крещение. Но в последующем к нашему государству присоединялись западные регионы: Прибалтика, Украина, Белоруссия, Литва, Польша, Бессарабия, где существовали многочисленные иудейские общины. Русские цари, как правило, сохраняли жителям приобретенных территорий все права, которые они имели прежде. В том числе и право иудеев жить по своим обычаям и исповедовать свою религию. Но при этом и исконным российским землям сохраняли их прежние права. В том числе право жить без евреев. Так и появилась «черта оседлости». В результате которой иудеи, перейдя под власть Романовых, в общем-то ничего не теряли по сравнению с жизнью в составе Речи Посполитой. Однако и не приобрели права расселяться где им будет угодно.

Конечно же, в реальности, поскольку государство было единым, эти ограничения постепенно размывались, смягчались. И к концу XIX века «черта оседлости» по сути означала лишь то, что западнее ее запрещалось строить и содержать синагоги. Но когда на престол вззошел Александр III, он взял курс на проведение русской национальной политики. И, в частности, издал в 1882 г. «Временные правила», напоминавшие об ограничениях и ужесточившие контроль за проживанием иудеев. Видимо, Мовше Израилевичу, как и многим его соплеменникам, пришлось в этот период крепко понервничать.

Впрочем, пути преодоления формальных запретов были уже отработаны. Во-первых, чтобы избежать их, достаточно было принять крещение. Даже и формально. Чем и пользовались многие евреи – если не веришь в Таинство, то почему бы не окунуться? Их и называли на Руси не «крещеными», а «мочеными». А часто обходились и без «мочения». Находили нерадивых священнослужителей, готовых за мзду выдать требуемое свидетельство и сделать запись в метрической книге. И что еще надо? Информация о таких «своих» священнослужителях и храмах распространялась в иудейских общинах, если хочешь – пользуйся. Во-вторых, «черта оседлости» означала именно оседлость, а не временное проживание. Чем тоже пользовались. Записывали недвижимость на подставных «моченых» лиц и жили как бы «в гостях». Можно было на денек съездить на «историческую родину» и снова «в гости» вернуться. Или сунуть городским властям «барашка в бумажке», чтобы закрыли глаза на эту «временность».

Нет, такими способами Мовша Израилевич пользоваться не стал. Он, судя по всему, был иудеем ортодоксальным, принципиальным. А пользоваться услугами подставных людей было малонадежно для человека, желающего поставить свое дело на твердую ногу. Но для него это и не потребовалось. Закон имел множество исключений. Он не касался, скажем, евреев с высшим образованием – юристов, врачей, историков, литераторов и т. п. Не касался учащихся – на период обучения. Не касался ряда профессий – ювелиров, зубных техников, фармацевтов, высококвалифицированных ремесленников. И Мовша Израилевич вполне попал под эту категорию. Его вид на жительство в Нижнем Новгороде никем не оспаривался и не подвергался сомнению.

Он женился. О супруге сведений сохранилось совсем мало. Известно лишь, что звали ее Елизаветой Соломоновной, и она была домохозяйкой. И что она практически постоянно ходила «непраздной». Муж был человеком активным, и дети пошли один за другим. В 1882 г. родилась дочь Софья, в 1884 г. – сын Залман. А 23 мая (4 июня) 1885 г. – Янкель. Тот, кого в протоколах полиции и жандармского управления будут фиксировать как Янкеля Мовшовича, а в обиходе станут называть Яковом Михайловичем... Но и он был не младшим. Следом за ним появились на свет Бенья, Сарра, Лейба.

Жили Свердловы далеко не бедно. Очевидно, и Мовша Израилевич начал свое дело не с «нуля», и за женой приданое получил. Он приобрел большой двухэтажный каменный дом с несколькими деревянными пристройками и сараями. И не в трущобах, которых в Нижнем хватало. Не на окраинах или в предместьях, а в самом центре города, на Большой Покровке. Точнее, дом принадлежал двоим совладельцам, граверу Свердлову и богатому ювелиру, тоже еврею. А еще точнее, Мовша Израилевич был не просто мастером-гравером, а владельцем солидной граверной мастерской, где трудились наемные подмастерья и рабочие.

Мы знаем имя одного из них – Генрих Ягода (Иегуди). Дальний родственник Мовши Израилевича, сын его двоюродного брата. Он, правда, трудился в мастерской Свердлова уже позже, в начала XX века. Но из данного факта нетрудно сделать вывод, что и остальные работники были того же сорта. Сородичи, соплеменники. Словом, прописался и угнездился сам – помоги другим. Точно так же, как в наши дни всевозможные «гости» с солнечного Юга, зацепившись в столице и крупных городах, получив регистрацию, помогают приютиться под своим крылом родне, близким, знакомым. Сосед-ювелир, кстати, также был владельцем мастерской с работниками и подмастерьями. И таким образом двор и дом с двумя семьями и мастерскими представлял собой маленькую еврейскую общину.

Существовала и большая. Нижний Новгород в то время являлся одним из крупнейших торговых центров России, перекрестком важнейших путей по Волге и Оке, значительным речным портом, «столицей» знаменитой Макарьевской ярмарки, городом купцов, судовладельцев, промышленных воротил. Упустить такое выгодное место состоятельные еврейские торговцы, финансисты, ростовщики, ремесленники никак не могли. В подобных городах обосновывались значительные иудейские колонии, члены которых имели прочные контакты друг с другом, осуществляли взаимопомощь, переплетались родственными связями, совместно решали важные общие дела, создавали подпольные синагоги. И жили не то чтобы самозамкнуто – замыкаться было нельзя, надо же «гешефт» делать, но «себе на уме».

Русские, татарские, немецкие клиенты, конечно же, обращались к «Михал Израилевичу», зная его прекрасную деловую репутацию. И он, конечно же, принимал их со всем радушием, поддерживая свою репутацию. Знакомился и приветливо раскланивался с городским «светом», в потенциале приобретая новых клиентов. Но «для души» оказывались все же важнее другие знакомства. С единоверцами. Дела у него шли прекрасно. В таком городе, как Нижний, недостатка в заказчиках не было. Мастер и его предприятие изготавливали дверные таблички, гравированные пластиночки для поздравительных адресов, памятных альбомов,

подарочного оружия, делали красивые надписи по вкусу клиентов на надгробных памятниках, делали печати и штампы для учреждений и частных фирм.

При исследовании биографии Свердлова одним из самых ценных источников оказываются воспоминания его вдовы, Клавдии Тимофеевны Новгородцевой. К ним мы постоянно будем обращаться по ходу этой книги. В отличие от большинства советских трудов о Якове Михайловиче, чисто плакатных, плоских, выхолощенных, ее мемуары, даже несмотря на сильную лакировку и приглаженность, содержат множество живых впечатлений, бытовых мелочей и фактов. Которые сами по себе или при сопоставлении с другими источниками позволяют порой получить весьма ценную информацию.

Так, из ее книги мы узнаем, что впоследствии гравер Мовша Израилевич немало помогал революционерам, изготавливая печати для поддельных паспортов, полицейские штампы. А отсюда само собой напрашивается немаловажное заключение, что... зарабатывал он не только праведными трудами. Потому что Нижний Новгород был не только крупным центром торговли, но и российского преступного мира. Откройте томик Гиляровского и прочитайте очерк «Под «Веселой козой». Знаменитый журналист очень ярко описал, что здесь творилось – нижегородские «Самокаты», «мельницы», «кузницы», притоны, малины. «Это волчье логово, всегда буйное, пьяное... Вся уголовщина, сбегавшаяся отовсюду на ярмарку, чувствовала себя здесь как дома. Попадали туда (на «Самокаты» не шли, не ездили, а именно попадали) и рабочие-водники со всех соседних пристаней и складов на берегу Волги, где был для них и ночлежный дом. Туда безбоязненно входил всякий, потому что полицейского надзора не существовало во всем этом обширном районе водников...»

Гиляровский описывает целые кварталы публичных и игорных домов всех пошибов, рассказывает о бандитских вертепах, расцветавших во время ярмарок. «Там было около кого погреть руки разбойному люду. Кроме карманников, вроде Пашки Рябчика, рязанского Щучки, Байстрюкова и Соньки Блювштейн, знаменитой Соньки Золотой Ручки, съезжались сюда шулера и воры не только из Москвы, Одессы, Варшавы, но даже Восток стал своим...» Сообщает, что и беглые с каторги обычно устремлялись именно сюда.

И для многих подобных типов новая хорошая «ксива» была, ясное дело, не лишней. А платили за подобную работу щедро. Да и соседство с ювелиром для таких клиентов было весьма удобным – в одном месте можно и сбыть ценную добычу (или изменить ее облик), и новыми документами разжиться. Предположение? Не только. Дальше по ходу книги я приведу несколько косвенных фактов, способных свидетельствовать о связях Мовши Израилевича с преступным миром.

В целом же проживание далеко за «чертой оседлости» давало возможность неплохих заработков. Однако оно имело и важные издержки. Скажем, для детей. Где-нибудь в Витебской губернии, Одессе, на Волыни ребята получили бы полноценное иудейское воспитание при синагоге от опытных общинных учителей. Изучили бы необходимые тексты, обряды, правила поведения. Дети Мовши Израилевича тоже воспитывались в религиозных традициях. И Яша Свердлов даже и много позже, арестованный за революционную работу, будет в анкетах жандармского управления в графе «вероисповедание» указывать – «иудейское». Да, «иудейское», а не «атеист», как отвечали на данный вопрос многие его соратники.

Но нетрудно понять, что воспитание он получил не такое, как его западные сверстники. Религиозное обучение – только домашнее. Или от непрофессиональных знатоков-учителей нижегородской колонии. Опять же, как должен воспринимать ребенок, если ему внушают какие-то истины, доказывают важность и необходимость каких-то ритуалов – а параллельно объясняют, что об этих истинах вслух лучше не говорить. И о ритуалах тоже. И, несмотря на их важность, иногда их из конспиративных соображений эти ритуалы выполнять не надо. Значит, они получаются не такими уж необходимыми? Не обязательными? Вероятно, отсюда

берет начало присущая Свердлову скрытность. И попытки самому найти ответы на интересующие вопросы...

Было и другое. Иудейские дети на Волыни и в Литве росли в кругу себе подобных. В Нижнем Новгороде – среди «чужих». Новгородцева пишет, что Яша с раннего детства дружил с местными ребятами, верховодил в компаниях, был организатором игр и забав для всей улицы, увлекался греблей и плаванием, что сверстники часто забегали в дом Свердловых... Вот тут осмелюсь выразить сомнение. Он не мог дружить со всей нижегородской детворой. Даже сбегать с ними гурьбой искупаться на Волгу. Плавок и трусиков тогда ребятня не носила. И кто-нибудь заинтересовался бы обрезанием, стал бы подшучивать, подначивать. Да и в дружеских отношениях на чужой роток не накинешь платок. А тем более при детской непосредственности. Кто-то подденет – почему не ешь «некошерное» лакомство? Кто-то начнет дразнить из-за того, что не идешь играть в субботу. Кто-то посмеется из-за того, что «нехристь». Отсюда неизбежные обиды. Затаенная злость. Мстительность.

Есть свидетельства о том, что Яша рано научился драться, рос задиристым и хулиганистым. Роста был низенького, в силе другим мальчикам уступал. Но брал свое хитростью, изворотливостью. А дружил-то он, скорее всего, с такими же, как сам, с детьми нижегородских евреев. Как раз они, видать, и в дом к нему навевались. В их ватагах он и верховодил. Что было нетрудно, если это были дети папиных работников. Попробуй не уступи лидерства хозяйскому сыну! Он и привыкал к лидерству. А ближайшим другом детства Якова Михайловича был Вольф Михелевич Лубоцкий. В будущем – видный большевик и секретарь Московского комитета партии Владимир Михайлович Загорский. Такой же, как Яша, отпрыск еврейской семьи. И... как бы не сынок соседа-ювелира? Во всяком случае, из всех источников очень уж тщательно устранена всякая информация о ювелире. Как и родословная Лубоцкого. Зато в воспоминаниях Новгородцевой любимым местом игр мальчиков и их «тайным укрытием» называется то чердак Лубоцких, то чердак Свердловых. Вот и вертится на языке вопрос – не один ли это был чердак? Над двухэтажным общим домом?

Кстати, многое говорит о том, что в их детском тандеме первым был все-таки не Свердлов, а Лубоцкий. Он и по возрасту был на два года старше. А может быть, общественное и имущественное положение его семья занимала чуть повыше, чем у Яши. Как бы то ни было, они являлись «одного поля ягодой».

Мовша Израилевич был главой дома обстоятельным. Не только собственное дело развивал, но заботился и о том, чтобы детей поставить на ноги, дать им хорошее образование. Читать Янкель-Яша научился дома, от родителей (и, очевидно, не только по-русски). Успешно окончил городское начальное училище и, как и его друг Лубоцкий, был определен в гимназию.

Что само по себе характеризует достаток Свердловых. В России в то время существовало несколько типов средних учебных заведений: гимназии, реальные и коммерческие училища, духовные училища, кадетские корпуса и др. Все они несколько различались по направленности обучения. Различались и по стоимости. Гимназии были самыми дорогими. Но и самыми престижными. Они давали «классическое» образование – их выпускники осваивали как минимум два иностранных языка, не считая «мертвых», латыни и греческого, получали огромный багаж гуманитарных знаний. Гимназическое образование само по себе выводило «в люди», оно было достаточным для устройства на чиновничью службу, для учительской работы в земских школах и начальных училищах. В гимназии обычно шли и те, кто планировал потом продолжить обучение в университетах – на юристов, медиков, преподавателей. Стало быть, и Свердлов-отец прогнозировал пустить сына не по собственной, а по более благоустроенной жизненной дорожке.

Что ж, способностей и ума у Яши было не отнять. А энергии тем более, через край. И любознательности. С детства он зачитывался книгами. Стало быть, и на них денег хватало, давали на «карманные расходы». Сведений о детских годах Свердлова вообще мало. Новгородцева пишет: «Яков Михайлович не любил говорить о себе... И лишь многие годы, прожитые

с Яковом Михайловичем, рассказы его отца, брата, сестер, изучение различных документов дали мне возможность восстановить более или менее полную картину его детства и юности».

Увы, многими из этих «различных документов» мы с вами не располагаем. И вряд ли когда-нибудь будем располагать. Вот и остается складывать «мозаику» из того, что есть. Упоминается, допустим, о постоянных стычках Якова с классным наставником, о выговорах гимназического начальства, о наказаниях, о «непокорстве». Что не так уж редко в детской среде. И не исключено, что шло по молодости, от буйного характера. Детское упрямое хулиганство. Но Яша и целенаправленно развивал в себе «бунтарские» качества. Они с Лубоцким еще в гимназические годы увлеклись «революционностью».

Но революционностью еще не марксистской, не социалистической или демократической. Кого же в таком возрасте заинтересует подобная нудятина? Нет, они запоем глотали книги про Спартака, Овода, Кожухова, Гарибальди. И грезили созданием тайной могущественной организации наподобие карбонариев. Но не итальянских, а, конечно, еврейских. Чтобы с клятвами, плащами и кинжалами, подземельями, внезапными ударами по врагу и карами предателей. Выдумывали эти клятвы, уставы. И даже купили себе револьвер, пряча его на том самом чердаке. Купили, как сами понимаете, не в магазине. А где еще два пацана могли купить в Нижнем «шпалер»? Чтоб не спросили, зачем нужен, кто ты такой и где деньги взял? Ответить нетрудно, в воровских трущобах. То есть, знали, к кому там обратиться, кто не надует. Вот вам одно косвенное подтверждение, что Мовша Израилевич имел дела с преступным миром. В результате чего и у Яши там образовались знакомства. Может, с кем-то из клиентов, кто домой приходил. А может, и сам по поручению отца заказы относил.

Вообще в семье мастера-гравера бездельничать и нахлебничать не полагалось. Дети должны были и по дому помогать, и в отцовских делах тоже. Папа, судя по всему, был крутоват. И жизнь семьи была далека от дружной идиллии.

Дочку Софью, едва подросла, сразу же выдали замуж. За такого же владельца граверной мастерской из Саратова по фамилии Авербах. То есть, выгодно пристроили. И саму «в люди» определили, и для «гешефта» полезно – какие-то новые дела наклюнутся, новые связи, обмен клиентами, переезжающими туда или сюда. Сердечными симпатиями и антипатиями самой Сони при сем вряд ли кто-то поинтересовался.

А потом случилась ссора Мовши Израилевича со старшим сыном Залманом. История эта очень темная. Ее передают в двух вариантах Б. Бажанов и журналист И. Коршикова. Бажанов сообщает, что Залман по неясным причинам порвал с семьей и иудаизмом, и отец торжественно проклял его ритуальным еврейским проклятием. Залман был крещен и усыновлен писателем Горьким, стал Зиновием Пешковым. Впоследствии уехал во Францию, служил в Иностранном легионе, в боях под Верденом потерял руку. И когда старик Свердлов узнал об этом, он страшно разволновался – какую? А получив ответ, что правую, торжествовал. Поскольку по формуле иудейского проклятия сын и должен был потерять именно правую руку.

Ирина Коршикова обвиняет в ссоре Якова. Дескать, они поссорились из-за соседской девчонки, Залман побил брата, и тот нажаловался в полицию. Старший брат бежал, пристроился у Горького. Который порекомендовал его в театр Немировичу-Данченко. А чтобы он, еврей, мог жить в Москве, его крестили, и Горький усыновил его. Отец же, узнав о крещении, разразился ритуальными проклятиями...

Но тут следует предостеречь читателя, что достоверность обоих названных источников крайне невысока. Бажанов, будучи секретарем Сталина, удрал за кордон и издал там мемуары, заведомо нацеленные на «сверхсенсации». Доверять его свидетельствам было бы крайне опрометчиво. Так, он утверждает, будто был близко знаком с семьей Свердловых, но на трех страницах воспоминаний о них допустил не менее 5 грубых ошибок. В реальности же он был дружен лишь с мальчишкой Германом Свердловым – шутником, склонным к розыгрышам и мистификациям.

Очерк же И. Коршиковой больше напоминает художественное, крайне сентиментальное произведение, основанное на сюжете Бажанова. Фактических ошибок там еще больше. И крайне сомнительно, чтобы в гипотетическом конфликте Залмана и Якова, где младший брат якобы выступил стукачом, отец принял сторону предателя. Кстати, на самом-то деле после ухода из дома Залман порвал отношения с братьями далеко не сразу. Еще долго, живя у Горького поддерживал с ними связь. Как и сам Горький. Что с версией Коршиковой совсем не стыкуется.

И доподлинно известно в данной истории лишь то, что старший брат действительно ушел из семьи, крестился, стал Зиновием Пешковым, потерял руку во Франции, но продолжал службу. Получил французское гражданство, дослужился до чина полного генерала, был видным масоном и другом де Голля. Но сие уже выходит за пределы нашего сюжета. И мы из случившегося можем сделать выводы лишь о том, что характер у Мовши Израилевича был далеко не «сахарным». И что родственного тепла в его семье было не густо.

В 1900 году в доме Свердловых происходят новые катастрофы. Сперва семью посещает огромное горе – умирает мать. И в этом же году, после четвертого класса, 15-летний Яков расстается с гимназией. И уходит из дома... Причем в случае с Яковым, как и с его старшим братом, очень много неясного. Что стряслось на самом деле? В чем причина его разрыва с родными?

К.Т. Новгородцева дает объяснение, связывая его уход со смертью матери: «Отцу одному нелегко было прокормить многочисленных ребят и поддерживать порядок в доме. Усилилась нужда». Вот и пришлось, мол, парнишке «оставить гимназию и думать о заработке». Но при этом, «сознавая, что отцу трудно содержать семью, Яков ушел из дома и зажил самостоятельно». Ни малейшей критики данная версия не выдерживает. Во-первых, Елизавета Соломоновна была домохозяйкой, никаких заработков в дом не приносила, и сказаться на материальном положении семьи ее кончина никак не могла. Мастерская отца по-прежнему функционировала, по-прежнему приносила доход.

Во-вторых, допустим, дела фирмы пошли похуже, прибыли снизились, гимназия и впрямь стала накладной. Но раз уж в образование сына вложены солидные средства, раз оно прошло несколько ступеней, почему было не продолжить его в более дешевом заведении? Скажем, в одном из реальных училищ, куда обычно отдавали своих детей отставные офицеры, низшие чиновники, заводские мастеровые, ремесленники, купеческие приказчики средней руки? Нет, Яков бросает учебу вообще. Наконец, «прокормить многочисленных ребят» отцу уже не требовалось – без Софьи и Залмана их осталось четверо. А если отцу было трудно одному «поддерживать порядок в доме», то почему старший из оставшихся детей, осознавая это, уходит из дома? Причина явно была другой.

Исключили за неуспеваемость, и рассерженный отец показал на дверь? Вряд ли. Свердлов отличался поразительным умом, феноменальной памятью и исключительной работоспособностью. Выгнали из-за очередного хулиганства и конфликтов с руководством гимназии? Некоторые авторы останавливаются именно на этом объяснении. Но таких вещей в биографиях большевистских деятелей обычно не скрывали. Наоборот, выпячивали их как лишние доказательства «революционности» еще в юношеском возрасте. А вот со Свердловым нашли нужным затушевать...

Остается два варианта. Первый – что Яков оказался замешан в какую-то очень уж грязную и некрасивую историю, которую никоим боком под «революционность» не подгонишь. В результате чего виновника выставили из учебного заведения, а папа, чьи надежды он порушил, выгнал его и из дома. Второй – что причину и следствие надо поменять местами. И толчком к переменам послужила домашняя ссора. Если Яков проявлял «непокорство» к учителям, то это могло случиться и в отношениях с отцом. Возможно, мать, пока была жива, сглаживала трения, а после ее смерти конфликт прорвался. Известно и то, что Мовша Израилевич, похоронив

Елизавету Соломоновну, очень быстро надумал вторично жениться. И не исключено, что «пассию» он себе завел еще при жизни супруги. Что также могло дать повод для разрыва. К примеру, сын нахамил будущей мачехе. Или она на него не так взглянула. В результате чего Яков был изгнан без средств к существованию. А соответственно, вынужден был и учебу бросить.

Обе версии косвенно подтверждаются словами Ленина, который в своей речи о Свердлове характеризовал его как «человека, целиком порвавшего с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества» (кстати, как видим, ни с какой «нуждой» Владимир Ильич случившееся не связывал). Хотя Яков, скорее, не сам порывал с «удобствами и привычками», а был выставлен на все четыре стороны. Но конфликт разрешился все же помягче, чем с Залманом. По крайней мере без ритуальных проклятий (если они в истории со старшим сыном действительно имели место, если их не выдумали Герман Свердлов или Бажанов).

2. Блудный сын не возвращается

Покинув отчий дом, Яков повел себя иначе, чем Залман. Не стал искать покровителей и решил жить самостоятельно, для чего перебрался в нижегородский пригород Канавино. Вот только утверждения советских источников, что этот пригород был «населен преимущественно рабочими», доверять не стоит. Откройте Гиляровского и увидите, что Канавино – это как раз и был район трущоб и притонов, обиталище воря, шпаны и люмпенов. «Ниже» и грязнее его были только «Самокаты» – пустырь, где функционировали всякие балаганы, кабаки, «нумера» с бешеным разгулом и развратом. Полуостров, где располагались «Самокаты», отделялся от берега двумя канавами с переброшенными через них мостками, отсюда и название Канавино. Но «Самокаты» оживали сезонно, на время ярмарок, а в Канавино сосредоточились постоянные «малины», «мельницы», ночлежки.

Правда, Свердлов сперва устроился здесь довольно чисто и культурно. Учеником в аптеку. А аптека в Канавино являлась весьма выгодным предприятием, настоящим «золотым дном» – кого порежут, кому башку пробьют, кто опился, кто венерическую хворобу подцепил. Опять же, кому-то внешность надо изменить, краску для волос купить. Да и «марафет» (кокаин) в то время через аптеки распространялся. Работы наверняка было хоть отбавляй, в режиме, близком к круглосуточному. Но от «золотого дна» ученику могли перепадать только жалкие крупички. В дореволюционной России ученики получали плату чисто номинальную (если вообще получали). Они работали за еду, крышу над головой и за науку. Только со временем они могли выйти в помощники, в приказчики хозяина. И если бы Якову удалось остаться в канавинской аптеке, дослужиться до повышений, это сулило хороший навар. Но нет. Терпение и послушание в ожидании собственного «гешефта» было не для Якова. Его вздорный характер, самомнение и амбиции опять сыграли свою роль. На новом месте он задержался совсем не долго, поссорился с аптекарем и был выгнан в три шеи.

Пришлось искать другие заработки на пропитание. Кстати, отметим, что устроиться рабочим на какой-нибудь завод – допустим, на Сормовский судостроительный гигант, где работа наверняка нашлась бы, Яков даже не пытался. Как и найти себе место в порту или в лавке кого-то из многочисленных нижегородских купцов. Нет, он уже ставил себя «выше» этого. Его отныне устраивала жизнь пусть неприкаянного, голодного, но «свободного» полуинтеллигента-одиночки. (Можно сопоставить, что и Гитлер в период своего проживания в Вене выберет такую же «свободу»). Яков в это время живет исключительно случайными подработками. Репетиторством. Правками корректур. Перепиской ролей для театра.

Что ж, репетиторство считалось вполне нормальным способом подкормиться для нищих студентов, порой и для бедных старшеклассников. Хотя платили за это мало. А уж тем более недоучке с четырьмя классами образования. Ну кого и чему он мог научить? Только малолетних подголовишек, собирающихся поступать в гимназию. Или отстающих балбесов-младшеклассников. Состоятельные родители в Нижнем могли нанять куда более опытных и знающих преподавателей. А такого, как Свердлов, – только чтобы сэкономить. За копейки, за тарелку супа. Что же касается корректур и переписки ролей, то и это был труд грошовый. Если мы опять обратимся к Гиляровскому, то обнаружим, что такой работой традиционно занимались «интеллигентные» ночлежники. Спившиеся, бездомные. У них существовали особые артели, где старший ходил по театрам, а в ночлежке распределял полученную работу – как правило срочную, и делил выручку за нее. В Нижнем подобная работа была в основном связана с теми же ярмарками – на время их проведения в город съезжались и театральные труппы со всей России.

Таким образом, Яков опустил до мира ночлежек, до самого «дна». Но, по-видимому, он уже имел в этом мире знакомых, покровителей. Иначе 15-летнему пареньку жить среди

отбросов общества было бы слишком тяжело и небезопасно. Что еще раз подтверждает предположение о связях с нижегородскими блатными его отца, а через отцовских знакомых и Яков мог стать здесь «своим». И не эти ли его знакомства, причастность к каким-нибудь темным компаниям и их делишкам стали причиной исключения из гимназии и изгнания из дома?

Но тут надо сделать отступление и пояснить, что имелись немаловажные факторы, способствующие контактам Мовши Израилевича и его сына с преступным миром. Дело в том, что значительную и очень влиятельную прослойку среди российских блатных в то время составляли евреи.

Такое положение сложилось отнюдь не случайно. Православная мораль была уже в значительной мере расшатана и ослаблена, но, тем не менее, все еще составляла серьезное препятствие для опускания русского человека на преступный путь. Если поднять самые громкие уголовные дела конца XIX – начала XX века (см. напр. Н.В. Никитин, «Преступный мир и его защитники», М., 1996), то можно обнаружить удивительный факт: расследование большинства из них не стоило правоохранительным органам ни малейшего труда. Преступника замучивала его собственная совесть, и он сам шел сдаваться с повинной! Поэтому описанные у Достоевского душевные страдания Раскольникова вовсе не плод писательской фантазии, а самая что ни на есть обычная реальность своего времени, как бы странно она ни выглядела с точки зрения россиянина сегодняшнего.

Конечно, существовали и русские бандиты, разбойники, в семье не без уроды. Но в народной массе они и воспринимались именно моральными уродами! Заметьте характерную особенность – в русском фольклоре нет благородных Робин Гудов и симпатичных Картушей! Все разбойники в народных сказках и преданиях предстают персонажами сугубо отрицательными, зачастую связанными с нечистью и запродавшими ей души (см. напр. «Разбойничьи сказки» в пересказе В. Цыбина, М., 1993). В лучшем случае, подобно легендарному Кудеяру, им предоставляется право уйти в монахи и замаливать прошлые злодеяния. Уж, казалось бы, какую посмертную благодарность должен был заслужить в устном народном творчестве Стенька Разин! Но прославил его своим «Утесом» отнюдь не народ, а интеллигент Навроцкий. А в народной памяти Разин навеки осужден за душегубство на заточение в глубокой пещере, есть щи из горячей смолы и грызть каменные пироги. Причем рассказывает Гиляровскому это предание не купец или дворянин, а бывший есаул разбойничьей шайки (В. Гиляровский, «На жизненной дороге», Волгоград, 1959).

Словом, русские бандиты-то были, и немало. Но чтобы стать таковым, человеку требовалось перешагнуть свое «я», переломить собственную мораль, воспитание. И оторвать себя от собственного народа, стать для него «чужим». Евреи же заведомо чувствовали себя «чужими» в российской среде. Для них таких внутренних препятствий не существовало. Обмануть «гоя», надуть, перехитрить отнюдь не считалось серьезным проступком. Это был способ заработка, на грани доблести. Многие делали это легальными средствами – в торговле, деловых и финансовых операциях. Но не всем же быть купцами, финансистами, приказчиками. Еврейские семьи были большими, и каждому надо свое место под солнцем найти. Предположим, вне «черты оседлости» обосновался мастер – кому-то из детей оставил наследство, кто-то пристроился у других мастеров. А остальные? Они же не пойдут в деревню землю пахать. И на заводы стремились немногие. Вот и сваливались, как Яков, на «дно».

Развитию еврейской преступности способствовала и национальная взаимовыручка. У соплеменников-единоверцев можно было укрыться, получить помощь, найти каналы сбыта краденого. Точно так же, как в США по национальному признаку сложилась итальянская мафия, так было и в России. И не случайно эпицентром рождения первой российской мафии являлась Одесса (впрочем, и в Америке сперва лидировали еврейские преступные группировки, итальянские их вытеснили позже).

Поэтому и Яков Свердлов в блатной среде должен был найти «своих», что помогло его адаптации и выживанию. Возможно, он и не только репетиторством и переписками ролей начал подрабатывать. И покатился бы дальше, до каторги, как бывало со многими такими же, как он. Но он сам не хотел скатываться. Считал, что такая судьба не для него. Он жаждал большего. Но и со старыми гимназическими товарищами он не порывал. Тут проявилась одна из черт, характерных для Свердлова – никогда не забывать прежних знакомств. Вдруг пригодятся?

Вытащил его со «дна» лучший друг детства Лубоцкий. Он оставался вполне «приличным» юношей. Как и раньше, увлекался политикой. И в 1901 году вступил в местную социал-демократическую организацию. Что также считалось среди молодежи вполне «приличным». Социал-демократия существовала в России легально, создавала всякие рабочие «кружки» и «школы». Царской администрацией это не поощрялось, но и не препятствовалось – в учении марксизма криминала не видели. Хотя социал-демократические структуры наряду с легальной вели и нелегальную работу. И вот за нее действительно привлекали к ответственности. То есть не за социал-демократию как таковую, а за конкретные преступления – организацию противоправительственных демонстраций, забастовок, экстремистскую агитацию, издание подрывной литературы.

Но сама по себе политика и прикосновенность к ней – это было модно, престижно. Ею увлекались юноши и девушки из уважаемых семей. И Лубоцкий получил задание создать молодежный кружок. Привлек туда таких же, как сам, гимназистов, гимназисток. Привлек и Яшу Свердлова. Он стал в кружке первым «пролетарием». И, конечно же, завоевал общую популярность. Кисейные барышни глаза на него таращили. Ведь это тоже было очень модно – горьковские босяки-челкаши, жутковатое и романтическое «дно». И вот он – живой выходец оттуда! На него заглядывались сверху вниз, наверное, тайно и влюблялись. И Якову, ясное дело, нравилось такое внимание. Наверняка, получил он и чисто материальные выгоды – юные коллеги по партии старались помочь, хотя бы пригласить в гости и накормить, подыскать те же репетиторские уроки.

Хотя последующие утверждения, что он и Лубоцкий в это время пришли в большевизм, лишены оснований. Большевистской партии еще не существовало, социал-демократия не успела разделиться. И даже еще почти не отмежевывалась от других левых организаций – социалистов, бундовцев, сепаратистов, анархистов, действовала в тесном контакте с ними. Все были «революционерами», а стало быть, союзниками друг для друга. Но Лубоцкого со Свердловым, несостоявшихся «карбонариев», в этой мешанине тянуло к самым радикальным, самым «революционным» группировкам.

Одно из первых партийных поручений Якова было связано со специализацией его отца – доставать поддельные штампы и печати для документов всякого рода нелегалам, скрывающимся от полиции, беглым ссыльным. К этому времени относится и примирение Мовши Израилевича с сыном. Чего ж не примириться, если сын «гешефт» в дом несет? Новгородцева и сестра Якова Сарра вспоминали и о том, что нелегалы иногда по несколько дней укрывались на чердаке Свердловых. И о «тайном ходе» – войдя в половину дома Мовши Израилевича, можно было в уборной вынуть доску в стене и пролезть в квартиру и мастерскую соседа-ювелира. Таким способом отрывались от слежки. Зашел в дом с одной стороны, а вышел с противоположной, через другую дверь.

Ясное дело, без ведома соседа (тем более ювелира!) подобный ход существовать не мог. Да и чердак был общим. Какие-то звуки должны были доноситься. Неужто ювелир не поинтересовался бы, кто там прячется? Не послал бы работников проверить? Откуда я и делаю вывод – в доме гравера и ювелира подобное было в порядке вещей. И они издавна были связаны с преступной средой. Так какая разница – уголовным или политическим нелегалам помогать? Плати денежку, и получай документы, укрывайся, прячься.

Но окончательного восстановления семейных связей между отцом и сыном Свердловыми так и не произошло. В доме уже хозяйничала вторая жена. И Яков остался для отца чужим, отрезанным ломтем. Выбрал такую долю – вот и живи. Позже, когда он пойдет по тюрьмам и ссылкам, Мовша Израилевич ни разу не придет к нему на свидание, не пришлет ни единой передачи. Между ними не будет написано ни одного письма, ни одной записочки. Восстаноятся отношения лишь через полтора десятилетия, когда Яков Михайлович взлетит в самые верхи советского государства. Видать, тогда уже признать «блудного сына» станет не стыдно. И для семейных дел полезно.

Яков по-прежнему жил где-то на стороне. Однако с ночлежками расстался. Ютился теперь по углам в частных домах. Теперь ему товарищи по партии помогали пристроить его у себя или знакомых. Очень скоро состоялось и его первое знакомство с полицией. Власти выслали из Нижнего Максима Горького, и его проводы послужили поводом для несанкционированного сборища либеральной и социалистической оппозиции в защиту «свободы слова». Перекрыли движение, устроили митинг. Активистов переписали и задержали, в том числе Свердлова. Правда, тут же и выпустили через два дня. Слишком уж незначительной величиной он был. Да и дело пустяковое.

В следующий раз было серьезнее. 1 мая 1902 года в Сормово начались крупные волнения на судостроительном заводе, вылившиеся в беспорядки и демонстрации. Для разгона и успокоения властям пришлось использовать не только полицию, но и войска. Гимназическая молодежь в этих событиях не участвовала, но позавидовала «настоящей» революционности и решила не оставаться в стороне. Вечером 5 мая в центре города небольшая кучка юношей и девиц под руководством Лубоцкого попыталась тоже устроить демонстрацию, подняла красный флаг. Прибыли наряды полиции, юных смутьянов сразу же окружили и нейтрализовали. Но при задержании они разбуянились. Брыкались, отказываясь садиться в подводы, предназначенные для арестованных. Распоясавшийся Лубоцкий набросился с кулаками на пристава, нанеся ему побои. Хулиганил и еще один пацан, Моисеев. В участок зашагали под конвоем пешком, распевая песни и силясь превратить в демонстрацию свое шествие.

По большому счету это, конечно, было несерьезно. И Горький из Арзамаса писал видному социал-демократу Пятницкому (Иосифу Гаршису): «В Нижнем ужасные творятся вещи! Страшные дела! Пойманы и посажены в тюрьму отвратительные преступники, политические агитаторы, рррреволюционеры, числом двое, сыновья гравера Свердлова – наконец-то! Теперь – порядок восторжествует и – Россия спасена!.. Преступники изловлены во время демонстрации, на улице... Старшему из них уже 15 лет, а младшему 13. Третий брат их – 6 годов – еще в тюрьму не посажен. Четвертый сейчас сидит у меня и хохочет, нераскаянная душа! Этот самый старый – 18 лет».

Отсюда, кстати, видно, что «самый старый», Зиновий, все еще относился к братьям с симпатией. Следовательно, версия о предательстве Якова лишена оснований. Но в своем письме Горький трижды ошибся. Демонстрация была не 6, а 5 мая. Якову было не 15, а почти 17 лет, его младшему брату Бенъямину, задержанному вместе с ним, не 13, а 15. А насчет «спасения России» можно лишь добавить – ну-ну... Стоило бы писателю вспомнить об этих своих словах. Попозже, в годы гражданской войны, когда писал «Несвоевременные мысли»...

Но и тогда, в 1902 году, провокация вполне достигла своей цели. Какой подарок для «прогрессивной общественности» и зарубежной антироссийской пропаганды – детей сажают! Детишки, впрочем, тоже своего добились. Их «приравняли» к участникам сормовского выступления. Руководителей судили вместе. Шестеро активистов рабочей стачки во главе с Заломовым, как и двое юных хулиганов, Лубоцкий и Моисеев, были приговорены к ссылке. Свердлов при задержании вел себя гораздо умнее товарища, поэтому его дело даже и до суда не дошло. Подержали две недели под следствием и выпустили за несовершеннолетием и отсутствием состава преступления.

Что ж, для него майские события 1902 года тоже не прошли бесследно. Его «заметили» в революционных кругах. Он «сидел» – и стал уже «бывалым». А поскольку Лубоцкий поехал в ссылку в Енисейскую губернию, руководителем молодежной группы нижегородской социал-демократии становится Свердлов. О, в роли лидера он проявил себя блестяще. Не так, как Лубоцкий, собиравший всех кого можно, устраивавший чаепития на квартирах или пикники на природе с пустой говорильней.

Свердлов из аморфной тусовки всяческих сочувствующих и интересующихся создает организацию. Начинает ее структурирование. Выделяет «свои» кадры – подручных. Это в основном девушки, Вера Савина, Маша Щепетильникова, Катя Сотникова. И ему, видать, нравится роль руководителя. Нравится, что эти русские девицы, старше его, заглядываются на него, молоденького и невзрачного еврейского паренька, ловят каждое его слово как мудрость высшей инстанции, безоговорочно выполняют его команды. Ему нравится быть распорядителем их судеб. Чувствовать, что они зависят от тебя. Если ему понадобится, они должны не спать ночей, терпеть лишения, пострадать в тюрьме. Вероятно, тут примешивались и сексуальные связи. Но сведения в данном плане недостаточно достоверны, и приводить их не буду.

Со своей группой, которую он превратил в «боевую», Яков выделяется и во всей городской социал-демократической организации. Которая, как и все тогдашние революционные круги, отнюдь не отличалась дееспособностью. Больше теоретизировала и рассуждала о необходимости переходить к практическим делам, не зная толком, как к ним подступиться, да и не имея особого желания. А тут – вон какой молодец объявился! Вот и поручить ему эти самые практические дела! Пусть выполняет, «оправдывает доверие» старших товарищей.

Он и выполняет. Четко и быстро осуществляет то, о чем старшие товарищи только воздух мололи. Налаживает перевозку и распространение нелегальной литературы. Создает в Нижнем первый социал-демократический пункт печатания прокламаций – на гектографе. А потом и первую подпольную типографию в Сормово. Умело использует для этого старые знакомства – все, что может пригодиться. Желатин для гектографа достает через выгнавшего его аптекаря. Шрифт для типографии закупает через отца. Бумагу и краску для типографии, скорее всего, поставляют ему бывшие соседи по ночлежкам, канавинская и самокатская шпана – ворованное дешевле, и никто не спросит, для чего нужно.

При столь активной деятельности он уже попал на заметку полиции. Ведь уже дважды засветился в задержаниях. И к тому же полиция и жандармерия традиционно имела информаторов в среде революционеров. Но Свердлову до поры до времени удавалось выходить сухим из воды. Жизнь «на дне» научила его распознавать и замечать «шпики». А от слежки он избавлялся без труда. Либо используя «тайный ход» в доме отца, либо уходя в районы трущоб и притонов, куда представители правоохранительных органов предпочитали не соваться. Яков же оставался там «своим», чувствовал себя, как рыба в воде.

Задача жандармерии была не столь уж простой. О Якове уже знали многое, но требовалось обязательно захватить его с поличным. Иначе было невозможно привлечь к ответственности. Показания секретных осведомителей ни один суд не признавал уликами. И все же, казалось, сумели ему на хвост наступить. В ночь на 14 апреля 1903 года сотрудники жандармерии и Охранного отделения совершили внезапный налет на очередную квартиру, где он устроился на жилье. И при обыске нашли «архив» – 24 экземпляра различных листовок.

Следствие длилось четыре месяца. В камере Свердлов не особо страдал. Политических-то было раз-два и обчелся. В основном сидели его давние приятели, блатные. А если не приятели, то приятели приятелей. Он с ними общий язык прекрасно умел находить. Даже образование стал пополнять, учебники заказывал, художественные книжки. Хотя и не совсем ясно – кому заказывал? Очевидно, приученным к повиновению девушкам-подручным. А доказательств, достаточных для передачи в суд, следствие так и не собрало. Ну как тут докажешь, что он причастен к печатанию, написанию или распространению найденных у него проклама-

ций? Может, просто на улице собирал, для коллекции? Или из верноподданнических чувств, чтобы другие не читали?

В августе Свердлова выпустили. И как раз в это время в Россию пришли известия, что на II съезде РСДРП произошел раскол на меньшевиков и большевиков. Соответственно и на местах закипела внутрипартийная грызня и разборки. Куда и ринулся Яков – приняв сторону большевиков. С одной стороны, они представляли более радикальное течение. Но... судя по всему, сыграло роль не только это. Тут довольно интересная ситуация сложилась. Глава Нижегородского комитета РСДРП Грацианов и прочие руководители городской организации оказались в меньшевистском лагере. Те самые «старшие товарищи», которые юному активисту «доверие» оказывали, свысока поощряли – вот, дескать, молодец! Подрастешь нам на смену.

Ох, ошиблись! Свердлов не любил быть «вторым». И вовсе не мечтал дожидаться, пока он станет для кого-то сменой. Он хотел быть только первым. А тех, кто мешал на пути, в том числе и соратников, отбрасывал легко. Он это будет делать еще неоднократно. В 1903 году отделение от меньшевиков открыло ему возможность для лидерства. Чем он и воспользовался. Стал самостоятельным руководителем городской партийной организации в 18 лет!

Емельян Ярославский (Миней Губельман) писал: «После раскола в партии Свердлов является первым организатором большевистской группы в Нижнем Новгороде. Он – самый молодой из всех. Там работали в то время такие старики, как Семашко, Владимирский, работал там Десницкий (Строев), Д. Павлов и другие крупные работники. Несмотря на это, все отдавали должное талантности, энергии и организаторским способностям тов. Свердлова. Он сумел собрать все группы рабочих, недовольных меньшевистским комитетом, и фактически создать свой комитет – большевистский».

Ну естественно, «старики»-то опять только языки чесали, спорили с оппонентами. Да еще и деликатничали, дабы не обидеть старых соратников. А Свердлов не теоретизировал, он действовал. Мало того, для создания новой организации он применил и новые методы. Семашки, Владимирские, Десницкие и иже с ними продолжали вариться в своей интеллигентской среде. Насчет рабочих они, небось, и не сразу сообразили бы, как говорить с ними, о чем. Яков с рабочими тоже не был особенно близок. Но в новую, свою, организацию он взялся собирать отнюдь не «группы рабочих». Он стал одним из тех, кто начал привлекать в партию уголовщину и шпану. Хорошо знакомую ему и привычную.

Как раз в это время, в начале XX века, обозначился приток выходцев из преступного мира в «революцию». Потому что воровство и бандитизм в тогдашней России были занятием, скажем так, бесперспективным. В отличие от России сегодняшней, награбленные деньги не могли вывести преступника в верхушку общества и не открывали ему доступ к более высоким жизненным благам. Ни дворянские, ни интеллигентские, ни купеческие круги не приняли бы в свою среду сомнительного типа с темным прошлым. Несмотря ни на какое богатство. Даже в деревенском мире преступник, пусть и оправданный по каким-то юридическим обстоятельствам или отбывший законное наказание, все равно до конца дней обречен был оставаться «неприкасаемым», окруженным стеной отчуждения. Уделом уголовщины были лишь грязные притоны Хитровки, Сухаревки, Самокатов. Водка, азартные игры, вульгарный разврат. И перспективы окончить жизнь под забором. Так ли уж она приятна, подобная жизнь?

Иное дело – «политики». Окруженные благоговением, почитанием, восторгами «прогрессивной общественности». А на нарах сидели рядом. И дела часто были похожими. Кассу «экспроприировать». Похулиганить на демонстрациях. Контрабандный груз провезти. И блатные со шпаной – те кто помоложе, кто о будущем задумывался или просто «пофраерить» хотел, стали призадумываться. «Перековываться» на политическое поприще. Такие и потекли к своему в доску парню Якову Свердлову.

Но и полиция наконец-то придумала способ вывести его из игры. Если не получается собрать улики и посадить, то надо хотя бы создать ему невозможные условия для дальнейшей

деятельности. В сентябре 1903 г. его снова арестовывают. Вскоре выпускают, но потом опять арестовывают. И опять выпускают. Но определяют на два года под гласный надзор полиции по месту жительства.

Это была административная мера, ее власти имели право применять и без суда. Однако революционеру она создавала массу проблем. Требовалось регулярно ходить отмечаться в участок. При необходимости куда-то выехать надо было получать разрешение. А нарушил – вот уже и более серьезный проступок. Дающий основание для более строгого наказания – административной высылки. Свердлов прекрасно понял, что его нарочно прижимают, и прежней благодатной работе в Нижнем пришел конец. Что ж, тогда он сделал решительный шаг. Сорвался с места и уехал в Кострому. Сразу, одним махом перечеркнув постановление о надзоре. И автоматически переходя на нелегальное положение.

3. «Британское» и прочее золото

Стоп... Переход в «нелегалы», на положение профессионального революционера, означает, что человек лишается возможности нормальными способами зарабатывать себе на жизнь. Он отныне должен существовать за партийный счет. То есть за счет какого-то стороннего финансирования. И обратим внимание на момент, когда это случилось со Свердловым. Февраль 1904 года. Только что началась война России с Японией...

В свое время за рубежом, да и у нас в эпоху бурной «демократизации» было написано немало статей и книг о «германском золоте», помогшем большевикам прийти к власти в 1917 году. Но при этом совершенно осталось за кадром или было преднамеренно «забыто», что в начале века международная ситуация была иной. И главным врагом России являлась не Германия, а Англия. Точнее, кайзеровская Германия тоже точила зубы на русских и уже тогда готовилась к войне. Но еще держала это в секрете, Вильгельм II демонстрировал дружбу к царю и не оставлял надежды на альянс с ним (временный, чтобы сперва без помех раздавить Францию). Англия же считала Россию основной соперницей на морях и в азиатских колониях и враждовала открыто. Втягивала в фарватер своей политики Францию. Да и олигархи США главными конкурентами в бассейне Тихого океана и в Китае видели еще не японцев, а русских.

Рассматривая историю Русско-японской войны и связанной с ней революции, А.И. Уткин и ряд других современных авторов подняли вопрос о «японском золоте». С чем позволю себе не согласиться. Япония была относительно бедной страной. Наличные средства она в конце XIX века тратила на создание национальной промышленной базы. А затем напрягала все ресурсы, чтобы подготовиться к войне с Россией. Ведь требовалось сформировать, снабдить и вооружить большую сухопутную армию, построить крупный и современный флот. «Лишнего» собственного золота у Японии в данный период не было. Она и без того вынуждена была в долги влезать. А главным ее спонсором выступала Великобритания.

Так что и средства, брошенные на подрывную работу в России, лучше назвать «британским» золотом. Но это тоже будет условно. Оно не являлось чисто британским. Оно поступало из нескольких государств. Причем источники финансирования, каналы перекачки средств в Россию и структуры инициирования революционного процесса были связаны с масонскими организациями.

Но здесь мы коснулись уже не биографии Свердлова, а несколько иного, хотя и важного для нашей темы предмета. Поэтому стоит более подробно остановиться на вопросе, что же такое масонство? Происхождение его теряется во тьме веков, но, пожалуй, первые прообразы масонских учений стали создаваться в начале нашей эры. Когда возникновение и распространение христианства явилось толчком для рождения гностицизма. Ближневосточным, малоазиатским и греческим эллинистическим философам очень не понравилось, что в новой религии приоритет отдается вере, а не человеческому разуму. И в противовес они принялись разрабатывать самые разнообразные теории. Одни объявляли существующий мир иллюзией, другие – забавой Бога, вроде театра. Третьи призывали поклоняться змию, соблазнившему Еву вкушать плод познания, а Бога-Творца низводили на уровень «демиурга», ремесленника, причем злого, раз он не позволял людям трогать этот плод.

Всплеск религиозной мысли и споров при рождении христианства задел и другие верования. В Иране на базе зороастризма возникла его противоположность, манихейство. Оно признавало дуализм добра и зла, но объявляло злом весь материальный мир, якобы сотворенный дьяволом. А следовательно, задача верующих состояла в разрушении этого мира, в том числе и своего тела, дабы высвободить частицы «божественного света», плененного материей. Манихейство разбилось на ряд течений и создало ступенчатую систему иерархии: общины состояли

из «посвященных» – хранителей высшей мудрости, «верных» – эмиссаров, и «мирян», на долю коих оставлялось выполнять то, что им укажут свыше.

Разделился и иудаизм. На ортодоксальных талмудистов и каббалистов, воспринявших гностические и манихейские теории, занявшихся иносказательными толкованиями Ветхого Завета и поисками некой «тайной мудрости». И для поисков этой «истины» привлекавших всевозможные оккультные сакральные учения Египта, Вавилона, Ближнего Востока, Греции. Однако разделение иудаизма на две ветви стало неполным. В дальнейшем они начали смыкаться, но при этом ортодоксальный талмудизм приобретал статус религии для масс, для рядовых евреев, а каббализм – для «посвященных», «избранных».

Все эти учения влияли друг на друга, смешивались, взаимодействовали друг с другом и с христианством и порождали в разных странах различные секты и идеологии, чаще всего – разрушительного, революционного свойства. В Персии это был маздакизм, в Армении – павликианство, в Болгарии – богумильство, в Лангедоке и Провансе – альбигойство, в Италии – братства вальденсов. А эмиссары и агитаторы подобных сект, чтобы беспрепятственно передвигаться по городам средневековой Европы, называли себя «ткачами». Позже, когда настоящие ткачи перестали быть бродячей профессией, обозначение изменилось на «вольных каменщиков».

Впрочем, существует и другая версия возникновения этого названия. В период крестовых походов был создан рыцарский орден тамплиеров – храмовников, изначально бравший на себя обязательство защиты Храма Господня в Иерусалиме. На Ближнем Востоке этот орден заразился гностическими и каббалистическими учениями, дойдя до дьяволопоклонства. Но успел нахапать и вполне земных богатств. И когда крестоносцев с Востока выгнали, тамплиерам охотно предоставила пристанище Франция. Они сохранили свои структуры, исполняли тайные мистические ритуалы, но под «храмом» теперь стал пониматься сам орден и обретенная им «сокровенная мудрость». Продолжалось это недолго. Сведения о ереси дошли до французского короля Филиппа IV. И в 1307 г. орден был разгромлен, его руководство казнено. Большинство рядовых храмовников разбежалось и рассеялось кто куда. Возможно, они и переименовали себя в «вольных каменщиков», как бы призванных трудиться на строительстве нового «храма».

Другая идеологическая и теоретическая база масонства возникла в ходе Реформации, в XVI веке. Это учение кальвинизма. Жак Кальвин не только отредактировал свою версию христианства, убрав из нее все, что, по его мнению, не подтверждалось Священным Писанием, но и ввел в религию теорию предопределения. Согласно коей одни люди заведомо предназначены Богом к спасению, а другие заведомо осуждены. А отличить «избранников» очень просто – одни богатеют, другие нищенствуют. Материальное богатство и было признано критерием любви Господа к тому или иному человеку. А долг «неизбранной» черни – повиноваться «избранным». Утверждалось, что если человек имел возможность урвать деньги и упустил ее, это тяжкий грех, он отверг дар Бога. А стяжание, соответственно, объявлялось богоугодным делом.

Кальвинизм разработал и теорию «общественного договора» между властью и народом, взятую потом на вооружение масонами. Основываясь на библейских текстах об избрании царей Израилевых по воле Бога, делался вывод, что раз основатели династий были избраны народом, то и монархи являются всего лишь слугами народа. И обязаны править в рамках изначального «договора», охраняя права и вольности «общества». Иначе они – тираны, и их свержение или убийство не только допускается, но и становится обязанностью подданных. Однако «народ» подразумевался отнюдь не буквально. Имелись в виду лишь «избранные», а не «чернь». Как раз «избранные» должны были составлять «синоды пресвитеров», диктующих свои решения как подданным, так и монархам. И им же предоставлялось право решать, не тиран ли монарх.

Во Франции кальвинизм стал знаменем борьбы дворянской анархии против королевской политики централизации. В Голландии и Англии – идеологией банкиров, крупных купцов и предпринимателей, боровшихся за захват политической власти. Когда нидерландские олигархи добились своего, создав республику, кальвинизм перенял и некоторые черты иудаизма. Голландцы, нация победившего кальвинизма, стали подразумеваться в качестве «избранного» народа. Любое ущемление их интересов и выгод приравнялось к преступлению против самого Бога, а в отношении «неизбранных» народов и племен допускались любые жестокости и зверства. Хотя такие заимствования могли происходить и от прямых влияний. Голландия являлась торговой и банкирской республикой, и там обосновались очень значительные колонии иудеев. А в Англии революционер Кромвель, несмотря на то, что вешал католиков, сажал в тюрьму англиканцев и ссылал анабаптистов, разрешил иудеям свободный въезд, поселение и отправление их религиозных обрядов, полагая, что они принесут в страну значительные капиталы.

Но голландские олигархи-кальвинисты сами же подорвали могущество своей державы, в слепой погоне за прибылями развалив армию и обирая собственный народ. В Англии эти силы сохранили позиции. Познав на себе плоды и анархии, и диктатуры, они сочли за лучшее снова уступить трон королям, но уже на договорных основаниях, лишив монархов реальной власти. Правда, и кальвинизм в ходе Стюартов был разгромлен, официальной государственной религией вновь стало англиканство. И вместо прежних «пуританских общин» и «синодов пресвитеров» для теневых группировок потребовались другие формы объединения. Ими и стали масонские ложи, возникшие в Британии к концу XVII в. Они устранили из прежних теорий христианскую терминологию, то есть превратились как бы во «внерелигиозные» общества. Хотя место христианских (или псевдохристианских) заняли оккультные учения и обряды. В 1717 г. четыре лондонских ложи объединились в «Великую ложу». Которая принялась распространять влияние на другие государства, отпочковывая там дочерние структуры.

Литературы по масонству множество. Причем крайне противоречивой. И представления о нем разбегаются в самом широком диапазоне. Одни видят в нем монолитную общемировую секту, по мановению руки высших иерархов сметающую правительства. Другие – всего лишь безобидные клубы для общения между собой. Так, «Оксфордская иллюстрированная энциклопедия», разъясняет, что масонство – это «всемирное братство взаимопомощи и товарищества» («Оксфордская иллюстрированная энциклопедия», т.3, Москва, Инфра-М, 1999).

Разумеется, это не так. Фундамент масонства покоится на «трех китах». Воинствующее республиканство, гностический оккультизм и интересы мирового олигархического капитала. Все это оказывается прочно взаимосвязано между собой. Так, для олигархов всегда бывают выгодны экспорт революции, разрушение религиозной морали людей, скатывание их к безбожию – а с другой стороны, сам по себе капитал является мощным оружием для осуществления данных целей.

Один из руководящих документов высших иерархов «вольных каменщиков» гласит: «Масонство не признает ни монарха, ни священнослужителей, ни Бога... Масонство – это непрерываемая революция в действии, не что иное, как непрерываемая конспирация, направленная против политического и религиозного деспотизма... Для нас, облеченных высшей властью, человек сам по себе является одновременно богом, первосвященником и монархом... Вот высшая тайна, ключ нашей науки, вершина посвящения. Таким образом, масонство является совершенным синтезом всего, что человечески, и значит – богом, первосвященником и монархом человечества... Вот чем объясняется его универсальность, его живучесть и его могущество. Что же касается нас, великих начальников, мы представляем собой священный батальон величественного патриарха, который, в свою очередь, является богом, первосвященником и монархом масонства» (Цит. по кн. О.А. Платонова «Терновый венец России»).

Как видим, само масонство претендует на роль бога, первосвященника и монарха человечества. Недооценивать силы «вольных каменщиков» нельзя. Известный результат их деятельности – так называемая «великая» французская революция. Но чтобы получить представление о их методах, для читателей будет интереснее пример другой масонской операции. Потому что он у нас с вами перед глазами, мы сталкивались с ним неоднократно, только не обращали на него внимания.

Помните книжки, которыми зачитывались в детстве – о честных и благородных английских и французских пиратах, храбро сражающихся со злобными и коварными испанцами? И о звериной жестокости испанцев при покорении Америки? В противоположность мудрым и чистым британским «следопытам», братающимся с краснокожими и раскуривающим с ними трубки мира... Читаем, увлекаемся. И не задумываемся, что в действительности все происходило наоборот. Испанцы были жестокими, но только в процессе завоевания, после чего индейцы стали равноправными подданными их короля. Результат-то налицо! Латинскую Америку до сих пор населяют потомки прежних индейцев. А в бывших британских владениях, в США, их не осталось...

Точно так же и с пиратством. Честных и благородных поединков к борту борт в «Флибустьерском дальнем синем море» не было. Ни одного за всю историю! Были подлые ночные нападения небольших суденышек, причаливавших в темноте к испанским судам – и банда резала команду и пассажиров. А еще чаще орды пиратов налетали на испанские прибрежные города, истребляя и жутко истязая мирных жителей, вымогая выкуп. И индейцы, кстати, в этих столкновениях всегда принимали сторону испанцев.

Откуда же возникло такое чудовищное искажение истории? Случайно? Ничуть. Огромный пласт антииспанской художественной, публицистической, научной литературы был создан в ходе информационной войны, в свое время развернутой мировым масонством против Испании. Которая еще два столетия назад была обширнейшей мировой державой. И мало того – главным оплотом католической церкви.

Но война велась не только информационная. В 1810–1820-х годах через масонов из числа помещиков, офицеров и интеллигенции Латинской Америки там была инициирована цепочка национально-освободительных революций. А одновременно, и тоже через масонов, были начаты революции в самой Испании. Из-за чего Мадрид не сумел подавить восстаний в своих заокеанских владениях. Каким стал результат операции? Испания вообще выбыла из числа «великих держав», надолго скатилась на уровень второстепенного государства, ее политику стали регулировать Франции и Англии. А страны Латинской Америки достигли вождельной независимости, но измочаленными, разоренными, нищими. И очутились в полной экономической и политической зависимости от той же Англии.

Позже ее сменили в роли «хозяев» США. И дальнейшая судьба латиноамериканских государств представляла собой 200 лет колебаний по синусоиде. В одну сторону – к либерализму, демократии, «свободам». Что оборачивалось коррупцией, воровством, разгулом преступности и анархией. Для спасения предпринимались перевороты, устанавливались диктатуры. А когда народу надоедал полицейский режим, снова разворачивалась борьба за демократию... «Хозяевам» же оставалось только регулировать этот процесс, поддерживая то диктаторов, то «свободы».

Ну и еще один результат крушения Испанской мировой империи – были значительно подорваны позиции католической церкви. Римом начали помыкать французские, итальянские, австрийские политики, в значительной доле – масоны. И в сами структуры церкви пошло их активное проникновение.

Нет, масонство – не секта. Оно не добивается унификации взглядов, идеологии и религии своих членов. Известны и масоны-католики (как Пуанкаре, Жоффр, Даладьё), и масоны-англикане (Ллойд Джордж, Чемберлен), и масоны-православные (Поливанов, Рябушинский), и даже

масоны-старообрядцы (Гучков), и масоны-иудеи (Шифф, Варбург), и масоны-атеисты (Бухарин, Львов), и масоны-мусульмане (Масхадов) и масоны-сатанисты (Альберт Пайк). А также и масоны-лютеране, масоны-кальвинисты, масоны-оккультисты, масоны-теософы и т. п. Хотя, согласитесь, членство в одних и тех же или близких друг другу структурах столь разнородных воззрений выглядит странновато. Ведь «плюс» на «минус» в любом случае дает «минус», а не «плюс».

Но масонство – это и не жесткая монолитная структура, наподобие, например, армейской. Где все осознают и видят общую задачу, командующий отдает приказание командирам соединений, они – командирам частей. В рамках той же единой задачи приказы доходят до подразделений и солдат и начинается их исполнение с неременным взаимодействием, взаимовыручкой, помощью и подкреплением одним частям со стороны других. Если рассматривать проблему в таком плане, то масонство вообще выступает «не единым». Оно многослойно. Отдельные структуры и их члены могут действовать и вразнобой, и наперекор друг другу. Преследовать какие-то собственные цели.

Допустим, если взять приведенный выше пример, то, конечно же, масоны, возглавившие латиноамериканские революции, не ставили себе задач сменить испанское владычество на британскую кабалу и превратить свою родину в «банановые республики». Они искренне мечтали о национальной независимости и верили, что освобождение сделает их страны процветающими и богатыми, выведет в один ряд с теми же Францией, Англией, США. За это они сражались и погибали, как и многие европейские масоны, ехавшие вступать добровольцами в их отряды. И испанские масоны, поднимая восстания, конечно же, не намеревались обрушить свое государство в упадок. Они верили, что свергают «прогнивший режим», и «свобода-равенство-братство» принесут Испании величие и счастье.

И, конечно же, руководители лондонских и парижских лож не отдавали команд Боливару, Сен-Мартину или Риго, как им действовать, какие решения принимать в той или иной ситуации, в каком направлении посылать войска. Но... в целом эти руководители приблизительно знали, что должно получиться. И знали, кому это в итоге будет выгодно. А если и регулировали ситуацию, то отнюдь не прямыми методами. Скажем, поставками оружия (или задержками поставок), финансированием от «сочувствующих» кругов (или прекращением финансирования), созданием «мирового общественного мнения» через средства массовой информации. Очевидно, были и эмиссары. Но не на первом, а на втором плане. В лице каких-нибудь «друзей», советников, иностранных посланников...

Однако попытка завалить и подорвать Россию таким же способом, как Испанию – с помощью офицерского масонского переворота в декабре 1825 года, провалилась. Мало того, после этой попытки аристократия и офицерство разочаровались в масонстве, стали относиться к нему настороженно. Отрезвлению русского высшего света немало способствовала и поддержка Западом северокавказских сепаратистов, польских повстанцев, раздутые в Европе оголтелые антироссийские кампании в прессе, парламентах, правительствах.

Что ж, когда первая атака не удалась, масонство учло свои ошибки и перегруппировало силы. Продолжало работу среди аристократии, офицерства, но основную ставку внутри России перенесло на буржуазию. Под флагом «либерализма». А среди российской буржуазии действовали закономерности, общие для всех времен и народов. Точно так же, как когда-то в Голландии, Англии, Франции крупная буржуазия набрала силы и богатства под эгидой монархии – пользуясь столь явными ее преимуществами, как стабильность, порядок, защита национальных интересов. После чего разьевшимся купцам, банкирам и промышленникам захотелось сломать вскормившую их систему и самим «поругить». Получить в свои руки власть.

Кстати, Россия уже не была абсолютной монархией. В 1864 г. Александр II ограничил свою власть введением Судебного Устава. И с этого времени Закон стоял выше воли царя. При Александре стало внедряться и земское демократическое самоуправление, в чью компетенцию

входили вопросы благоустройства, здравоохранения, образования, социального обеспечения. Были даны значительные послабления в вопросах «гласности и устности» – то бишь, свободы слова, печати, политических партий. Пошло очень бурное развитие предпринимательства. Но нетрудно заметить и то, что в это же время случился резкий подъем революционного движения. И сам Александр II погиб от рук террористов.

Руководящие круги революционеров очень часто были связаны с масонством. А политические и земские свободы стали благодатной почвой для размножения и роста российских лож (хотя они оставались под запретом – указами Екатерины II, Павла I и Александра I). Полученных послаблений и земских прав либеральной буржуазии было, разумеется, мало. Это только разожгло ее аппетиты. А патриотическая «реакция», национальный политический курс и откат от западничества, наступившие при Александре III, раздражали ее. Впрочем, либералам было без разницы, кто сидит на троне. Кто бы ни сидел, он становился противником. Ведь целью – власть.

Докладная записка Департамента полиции от 10 февраля 1895 г. сообщала: «Ныне боевой аппарат масонства усовершенствован, и формы грядущего натиска откристаллизовались... Разжигание бессознательной ненависти в народной толще против всех и вся – таков второй и главный наступательный ход, выдвинутый ныне масонством в России. Этой мутной волной намечено потопить царя не только как самодержца, но и как Помазанника Божия, а тем самым забрызгать грязью и последний нравственный устой народной души – Православного Бога... Пройдет всего каких-нибудь десять – двадцать лет, спохватятся, да будет поздно: революционный тлен уже всего коснется. Самые корни векового государственного уклада окажутся подточенными».

Да, атака как раз и развернулась через десять лет, даже раньше. Международная обстановка сложилась вполне подходящая. В 1902 г. Англия заключила антироссийский союзный договор с Японией. Между прочим, это был вообще первый в истории Великобритании договор, где она нарушила свою давнюю дипломатическую традицию – не брать на себя никаких определенных обязательств. А в январе 1904 г. последовало вероломное, без объявления войны, нападение японцев на Порт-Артур, на русские корабли в нейтральных портах, высадка войск в Корею и Китае.

Россия же, стоило ей взяться за оружие, вдруг... очутилась в почти полной международной изоляции. Англия выступила открытой союзницей Японии, демонстрировала готовность вот-вот самой вмешаться в драку. При этом британцы очень быстро и ловко (и неожиданно) сумели решить все свои противоречия с российской союзницей, Францией, и в 1904 г. заключили с ней соглашение о разделе сфер влияния в мире. Родилась пресловутая «Антанта». Но сперва-то она носила антироссийский характер! Враждебную позицию заняла и Турция. Отказалась пропустить через Босфор русские военные корабли, и самый сильный флот, Черноморский, оказался запертым. В это же время султан Абдул-Гамид учинил резню армян в Сасуне, что очень смахивало на провоцирование конфликта. На русских обрушилось и американское «общественное мнение». А единственным «другом» выступила, вроде бы, Германия. Но «другом» далеко не бескорыстным. В обмен на «дружбу», то бишь гарантированный нейтралитет и согласие снабжать царские эскадры, Берлин навязал Петербургу кабальный торговый договор на 10 лет.

События русско-японской войны (опять же, под влиянием мирового и российского «общественного мнения», читай – информационной войны) всегда отображались в истории крайне некорректно. Дело в том, что ресурсы России и ее военная мощь многократно превосходили японские, но на Дальнем Востоке дело обстоит наоборот. Япония могла беспрепятственно перебрасывать морем войска и снабжать их, а русских сил там было мало. Пополнения требовалось везти через всю Сибирь. На этом и строились планы Токио. Внезапным нападением уничтожить флот и быстро разгромить русские дальневосточные войска – до того,

как подтянутся соединения из Европейской России. Эта стратегия определила и сроки войны. Транссибирская магистраль была построена, но еще имела разрыв у Байкала. И Япония поспешила ударить, пока он существует, пока железнодорожные ветки там не сомкнулись.

И все же план провалился. Русский флот понес потери, но уцелел. Героически держался Порт-Артур. А главнокомандующим полевой армией стал талантливый полководец генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин. Он был учеником и соратником Скобелева, настоящим «отцом-командиром», солдаты любили его беззаветно. Куропаткин сразу осознал невыгодное соотношение сил, разгадал расчеты японцев. Ко всему прочему он одним из первых в военной среде, в отличие от западных стратегов, понял изменившийся характер современной войны. И навязал противнику позиционные, а не маневренные боевые действия. Что по тогдашним общепризнанным доктринам считалось позором, полным неумением воевать. Но для японцев было губительным. Они изматывались, несли огромные потери в атаках укрепленных позиций. А русские выигрывали время, перебрасывая в Маньчжурию новые контингенты.

И вот тут-то последовал удар «пятой колонны». В спину, по тылам. Забурлило революционное движение. Отметим некоторые особенности вспышки 1904–1907 гг., впоследствии затухавшие. На начальном ее этапе всевозможные социалистические силы выступали единым фронтом, плечом к плечу – эсеры, анархисты, большевики, меньшевики. Причем выступали единым фронтом с либеральной буржуазией и интеллигенцией. Либералы тоже активизировались в это же время. В январе 1904 г. создаются их нелегальные организации – будущие партии октябристов и кадетов. И финансирование в значительной мере пошло за счет богатых либералов, полагавших, что социалисты и рабочее движение будут для них хорошими союзниками. Даже скорее не союзниками, а помощниками – проложат им путь к власти.

Но революции – дело очень дорогое. Частных пожертвований российских спонсоров тут никак хватить не могло. Ведь этих жертвователей и самих революция по карману была, вызывая спад производства, торговли, падение акций. А попробуй-ка профинансировать по всей огромной России многочисленные забастовочные комитеты, стачкомы, выпуск прокламаций, оружие для боевых отрядов, съезды и конференции партий, работу по разложению армии и флота, террористические акты, всякого рода провокации, информационную войну – в период революции практически вся российская частная пресса активно поддержала атаку на власть. Средства на это широко вливались через посредство тех же либералов, многие из которых были связаны с масонством.

В октябре 1904 г. русские либералы-масоны и революционеры различных партий провели в Париже совещание, договариваясь об общности действий. Финансирование революции стало международным. Отнюдь не только британским и японским. Особенно крупные вложения прошли через главу нью-йоркского банкирского дома «Кун, Лоеб и компания» Якоба Шиффа. Одного из руководителей иудейской масонской ложи «Бнайт Брит» (так что по созвучию с «Бнайт Брит» золото и впрямь можно назвать «британским»). В Женеве был создан «Союз освобождения», который координировал деятельность различных революционных партий, обеспечивал их «единый фронт», распределял финансы. Вскоре «Союз» переместился в Россию, начал всюду создавать свои ответвления.

Одним из главных теневых эмиссаров масонства, заправлявших раздуванием революции, являлся Пинхус Моисеевич Рутенберг (впоследствии перебрался в Израиль, являлся председателем «Национального комитета» – фактического правительства еврейских поселений в Палестине). Кстати, и из социал-демократии в период 1904–1907 гг. на ведущую роль выдвинулась отнюдь не ленинская группировка, а те лидеры, которые также были напрямую связаны с масонством – Парвус (Гельфанд), Троцкий (Бронштейн).

Ну а из русских либералов и социалистов, участвовавших в революции, одни в самом деле верили, что в военных поражениях виноват «прогнивший режим», и стоит его изменить, все пойдет иначе. Другие просто полагали, что не грех воспользоваться ситуацией и затруд-

нениями правительства. А были, несомненно, и хорошо понимавшие, что совершают предательство и играют на руку внешним врагам России. Но считавшие это «мелочью» по сравнению с возможностью политического выигрыша. Ну подумаешь, побьют где-то там на Дальнем Востоке. Ох каком дальнем! Зато – «свободы», власть, либерализм... О том, что побьют вполне конкретных, реальных и живых русских солдат, офицеров, матросов, подобные деятели вряд ли задумывались. Как не задумывались наши недавние политики, спекулируя на Чеченской войне. Одним из тех, кто принял самое активное участие в данной подрывной кампании, стал и Яков Свердлов.

4. Война и революционеры

Итак, в 1904 г. Свердлов стал «профессионалом» и перебрался из Нижнего в Кострому. Подготовка революции уже шла полным ходом, и был создан Северный комитет РСДРП с задачей объединить разрозненные социал-демократические кружки и организации по Верхней Волге. Свердлов и стал одним из эмиссаров этого комитета. Кострома была крупным центром текстильной промышленности, здесь действовали фабрики Бельгийского акционерного общества, Кашинская, Зотовская. И 19-летний Свердлов снова проявил себя блестящим организатором. Он быстро находит «нужных» людей, связывает их между собой в ячейки, ячейки – в более крупные структуры. Придумывает правила конспирации, налаживает каналы распространения нелегальной литературы. Создает и подпольную типографию.

Еще раз подчеркнем, что революционеры в этот период выступали в теснейшем союзе с либералами и пользовались их активной поддержкой. Так, осенью 1904 г. либералы из «Союза освобождения» развернули банкетную кампанию. Собрания и митинги маскировались под банкеты. Ведь на политические собрания потребовалось бы испрашивать разрешения властей (которые их наверняка запретили бы). А банкет он и есть банкет. Либералы были люди не бедные, почему же не снять зал в ресторане? И кто помешает пригласить на банкет хоть сотню человек, хоть две сотни – кого сочтет нужным хозяин? Эта самая кампания прошла в 34 городах и приняло в ней участие 50 тысяч человек. К.Т. Новгородцева упоминает, что и Яков Михайлович был в числе костромских банкетных активистов, присутствовал и выступал на этих мероприятиях.

Вполне «легальные» респектабельные либералы, к которым полиция и не сунуться не смела во избежание скандала, давали нелегалам пристанище, поддерживали, обеспечивали документами. Как пишет Новгородцева: «Мы... пользовались обычно чужими паспортами, которые нам предоставляли сочувствующие партии, но находившиеся вне подозрения люди, чаще всего из либеральных интеллигентов. Некоторые из нас поддерживали личные отношения с такими либералами, и те охотно отдавали свои паспорта, вручавшиеся нелегалам по усмотрению комитета. Владелец паспорта через какое-то время заявлял о пропаже, платил штраф и получал новый, а по его паспорту в другом городе жил подпольщик. Облегчалась передача паспорта тем, что фотографий на них тогда не было».

Революционное движение ширилось, раскручивалось. В январе 1905 г. начались беспорядки и забастовки в столице. Руководил ими уже упоминавшийся Рутенберг. По ничтожному поводу – увольнение четырех рабочих, забастовал Путиловский завод. За ним остальные. И грянула грандиозная провокация, «кровавое воскресенье». Гапон, создававший свои легальные рабочие организации вроде бы под эгидой полиции, на самом деле действовал под руководством Рутенберга. В массы была внедрена провокационная идея – идти 9 января к царю, изложить ему свои нужды, искать правды и справедливости. Распространялись слухи, будто государь сам хочет встретиться со своим народом, разобраться, как его обманывают чиновники и дворяне.

Царя, кстати, в это время вообще не было в столице. А правительство в последний момент узнало, что вместо петиции, принятой рабочими – с экономическими требованиями, заготовлена другая. Экстремистская, с требованиями созыва Учредительного Собрания, изменения государственного строя. А пункты, выработанные рабочими, перенесены в конец. Узнали власти и о том, что к мероприятию готовятся боевики и террористы. Что в шествиях должно принять участие более 300 тысяч человек. Это была бы катастрофа, грозившая такой же давкой, как при коронационных торжествах на Ходынке. Во избежание беспорядков и давки манифестацию запретили, но было уже поздно. Агитация сделала свое, и с утра 9 января огромные толпы горожан с четырех сторон двинулись в направлении Дворцовой площади. При этом про-

вокатеры подзуживали прорываться в любом случае, даже силой. А если, мол, нам будет отказано, то «нет у нас больше царя». В ряды мирных манифестантов, несших иконы и хоругви, влились в полном составе эсеровские боевые дружины, отряды социал-демократов и анархистов.

Центр города был оцеплен войсками, получившими приказ никого не пропускать, но оружие применять лишь при крайней необходимости. И в четырех местах, на пути движения четырех колонн, на Обводном канале, Васильевском острове, Выборгской стороне и Шлиссельбургском тракте, события развивались примерно по одному сценарию. Толпы останавливались оцеплением, но провокаторы подогревали людей, возмущали – дескать, мы с добрыми намерениями, а нас, надо же, к государю не пускают. И толпы напирали, несмотря на выстрелы в воздух. В солдат летели камни. Из толпы, прячась за спины рабочих и их жен, экстремисты стреляли и из револьверов. И цепи солдат, видя, что вот-вот будут смяты, раздавлены и растерзаны лезущей на них возбужденной массой, били уже по людям. На поражение. После чего начиналась паника, и толпы в ужасе бежали прочь, сминая и топча друг друга. Не столько людей пало от пуль, сколько погибло и перекалечилось в давке. Всего же в день «кровавого воскресенья» было убито и умерло от ран и травм 130 человек, 299 получили ранения. Причем среди этих убитых и раненых были и солдаты, и полицейские.

Но ох какой же подарок получился для смутьянов и агитаторов! Царь расстрелял тех, кто с иконами и хоругвями шел ему челом ударить и просьбы выложить! Ох как взвыло мировое «общественное мнение»! Цифры жертв были многократно преувеличены, вопили о «тысячах расстрелянных». Обстоятельства перевирались, подробности придумывались и приукрашивались новыми беспардонными наворотами. И провокация фактически дала старт общей мощной атаке всей оппозиции. Забурлило по всей стране, забастовки охватили 400 тысяч человек...

Однако само по себе «забурлить» не может. Так не бывает. Нужны активизаторы процесса. А чтобы «бурление» шло синхронно на огромной территории – нужны режиссеры и дирижеры. И в данном плане успехи Свердлова в Костроме обратили на себя внимание руководства. Потому что социал-демократическая партия по-прежнему в значительной мере состояла из пустопорожних болтунов. Или из экзальтированных юнцов и девиц, готовых жертвовать собой (и другими) ради протеста против действительности. Или заводских хулиганов... Но настоящих деловых людей с практической организаторской хваткой в партии очень не хватало.

Скажем, в Северном комитете РСДРП заседали Губельман, Подвойский и прочие лидеры. Но Подвойский был всего лишь учащимся юридического лица в Ярославле и возглавлял студенческий комитет – то есть, занимался такой же фигней, как Лубоцкий в Нижнем. А Миней Губельман сумел организовать стачку текстильщиков в Ярославле. Одну-единственную, но это считалось такой выдающейся заслугой, что ему даже присвоили псевдоним «Ярославский», вроде почетного звания.

Практические таланты и энергия Свердлова пришлись для Северного комитета очень кстати. Яков Михайлович получает партийную кличку «товарищ Андрей», и его начинают посылать в другие города для активизации там работы и налаживания нелегальных структур. В том числе и в Ярославль, где базировался сам комитет. Видать, не очень-то хорошими организаторами были его руководители и дела у них не слишком клеились, раз они предпочли воспользоваться услугами специалиста, зарекомендовавшего себя в Нижнем Новгороде и Костроме. Разъезжая с места на место, он действует и в Саратове, Самаре, навещаясь на родину, в Нижний.

Организует революционные мероприятия, митинги, демонстрации. По поводам, взятым чаще всего от фонаря. Например, в Ярославле превратили в демонстрацию похороны застрелившегося гимназиста Панова, в Нижнем – похороны застрелившегося Н.И. Девятова. Складывается впечатление, что стоило какому-нибудь юному неврастенику и юбкострадальцу пустить себе пулю в лоб, революционеры оказывались тут как тут, превращая дурачка в «политиче-

скую» жертву. Для общей раскачки, для нагнетания эмоций. Продолжались и плодотворные контакты с либералами. В июне 1905 года Свердлов выступает в Нижнем Новгороде в помещении Всесословного клуба. Перед купцами, приказчиками. И бросает экстремистские призывы добиваться удовлетворения политических требований «силой и оружием».

Но контактировал он не только с либералами. И успехи его объяснялись не только организаторскими способностями. Он повсюду, как и в Нижнем, активно вовлекает в ряды революционеров шпану. Ведь Волга являлась единой экономической системой – транспортной, портовой, торговой. И мир поволжского «дна» тоже был единым. Хулиганье и бомжи-босяки мигрировали из города в город. Мигрировало и ворье, сутенеры, шулера. То в поисках более выгодного «дела», то уходя от полиции, от кредиторов, от облапошенных обывателей. Или просто ради разнообразия. И человеку, вхожему в нижегородский мир люмпенов, совсем не трудно было найти «своих» в трущобах Ярославля, Костромы, Саратова. Если и не обнаружится старых «приятелей», то по повадкам признают, общие знакомые найдутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.